Шанина Елена 19.6.02

ЕЛЕНА ШАНИНА:

Культура – 2002. – 13–19 июня. – с. 9

Спина должна быть прямой

Елена ШАНИНА, одна из ведущих актрис ленкомовской труппы, несколько лет назад попробовала себя в новом "амплуа" – свободного художника. Не порывая окончательно с театром-Домом, куда Марк Захаров пригласил ее прямо со студенческой скамьи. Сама актриса считает, что ее творческая судьба в Ленкоме сложилась достаточно удачно – за два десятилетия было сыграно 13 главных ролей, среди которых Мирра в спектакле "В списках не значился", Неле в "Тиле", Принцесса в "Бременских музыкантах", Цейтл в "Поминальной молитве", Наталья Петровна в "Двух женщинах" и, конечно, знаменитая Кончитта в спектакле "Юнона" и "Авось". И тем не менее Шаниной захотелось найти для себя и другую нишу – окунуться в стихию "свободных проектов", попробовать себя в ином качестве, распрощаться с сентиментально-романтическими образами. Актриса оказалась достаточно востребованной, а "ниша" – весьма комфортной. Неделю назад состоялась премьера спектакля "Любовь в двух действиях" по пьесе и в постановке Андрея Максимова, где Шанина сыграла главную роль.

Е.Шанина

– Елена Юрьевна, несмотря на обилие сыгранных ролей, все-таки в памяти массового зрителя вы остались Кончиттой из "Юноны". Многие считают вас актрисой одной роли.

– Так считают зрители одного спектакля. И так обо мне говорят, простите, не очень сведущие люди. Да, есть вещи, которые приносят славу. Наш потрясающий артист Евгений Павлович Леонов, например, у многих ассоциируется с фразой "Пасть порву, моргалы выколю". Но это не мешало ему блистательно играть в театре Иванова или Тевье-молочника.

– И все же, не обидно ли было проститься с Кончиттой, передать роль другой актрисе, ведь спектакль все так же популярен?

– Абсолютно не обидно, потому что я расту, изменяюсь. Приходят какие-то иные ощущения, новое понимание себя самой. Ведь кроме образа юной возлюбленной, которая смотрит вдаль и плачет, есть и другие, более сложные женские характеры. Они мне близки, интересны. И, естественно, у меня возникла потребность иного самовыражения. Марк Анатольевич Захаров, при всем нашем взаимопонимании и моем уважении к нему, просто не знает, что со мной делать. Кстати, когда окончательно выяснилось, что новая роль для меня в его личные творческие планы не входит, он был столь великодушен, что предложил мне самой найти пьесу и режиссера. Так возник проект спектакля "Две женщины" с режиссером Владимиром Мирзоевым и художником Павлом Каплевичем.

– То есть "Две женщины" появились в Ленкоме с вашей подачи?

– С моей. Я практически была идеологом, при поддержке театра, естественно. Мирзоев – очень своеобразный режиссер. Окунуться в его мир, мышление, философию необычайно интересно. Спектакль до сих пор идет успешно, актеры его любят. Мне интересно в нем существовать.

– Но на сегодняшний день это ваша единственная роль в Ленкоме. Больше аналогичных предложений от Захарова не поступало?

– Нет. Я думаю, просто естественным образом закончился определенный период. Все отношения имеют свой конец, в том числе и творческие. Или хотя бы паузу. Меняется политика театра, состав звезд. Ленком ориентируется на молодежь, даже возрастные роли играют в основном молодые актеры. Хотя не могу сказать, что все так идеально. Конечно, бывают удары по самолюбию. И все же я понимаю, что это нормально. Ведь и у меня наметилась своя дорога. Да я и не сидела без работы ни секунды.

– Совсем уйти на "вольные хлеба" не собираетесь?

– Нет. Я оставляю для себя этот театр. Почему? Во-первых, страх, честный страх. Не хочется остаться без моральной, даже не материальной, а именно моральной поддержки. У меня очень хорошие отношения с руководством театра, актерами. Я знаю, что если у меня возникнут какие-то проблемы, там всегда мне помогут. К тому же и я достаточно много вложила в этот театр. А потом, ведь неизвестно, что будет дальше. Для меня репертуарный театр – это площадка для творческого роста. Если мне доведется еще что-нибудь здесь сыграть, замечательно.

– Насколько меняется психология свободного артиста?

– Да на 180 градусов. Психика становится здоровей, характер лучше. Не надо больше рабски заглядывать в глаза режиссеру и изводить его требованиями: ты мне должен. А что в прежние времена оставалось делать бедному актеру? Я наблюдала, как люди превращаются в какие-то тени, приходя в театр только в день зарплаты. И сегодня я несказанно счастлива, что современный артист стал менее встревоженным, обрел достоинство. Благодаря тому, что актеры уже не привязаны, как крепостные, к одному театру, не зависят от прихоти главного режиссера, а могут выбирать. Мне очень нравится, что я получила возможность работать с разными режиссерами, актерами. Для меня это обмен театральными школами, идеями, творческими мирами.

– Но актерам, в свою очередь, потребуется куда большая активность, "пробивные способности" – чтобы не забыли пригласить в новый проект.

– А такое было всегда. Но, повторяю, плюс в том, что ты не зависишь от вкусовых и личных пристрастий одного человека. Да, и в новых условиях сохраняется зависимость актера от режиссера, но она в большей степени приближается к такому понятию, как сотворчество двух художников. И оно основано, как мне кажется, на любви. Чем мне собственно и нравятся эти коммерческие проекты – люди собираются по любви. А если что-то не так, то можно просто уйти. При отсутствии у актера всяческого правового поля эта возможность выбора и отказа – единственное, что позволяет сохранять спину прямой.

– Свободные актеры нуждаются в "паблисити", они тусуются, мелькают на телеэкране, их фотографиями пестрят глянцевые журналы и желтая пресса. Ваше лицо там редко встречается. Почему?

– Ну, я – человек старой закалки. Жду, когда меня позовут, обратят внимание. Может быть, это ложная гордость или ложный стыд. И, может быть, это неправильно. Единственное, я бы хотела, чтобы этим занимался кто-то другой, а не я сама.

– Вы не пытались обзавестись собственным агентом?

– У меня были такие попытки. Но тут же появлялись нагловатые мальчики, которые заламывали дикие цены. И я поняла, что проще договориться напрямую, мне это дешевле обойдется. Хотя, конечно, потребность в этом есть и подобная система обязательно должна сложиться. Определится круг людей, которые знают толк в подобных проблемах, любят актеров, но сами таковыми не являются.

Пока же все строится на личных взаимоотношениях. Это очень заметно по тому, что происходит, например, в современном кино. Там все из одной песочницы. А так не должно быть. Кто-то должен прийти из детской, кто-то – из армии, кто-то – из деревни или еще откуда-то. Тогда происходит творческое переливание крови.

– Вас устраивает уровень антрепризных проектов, в которых вы участвуете? Часто ли вы отказываетесь от работы или побеждает материальная сторона дела?

– Я считаю, что сегодня антрепризный уровень начал расти. Слово "антреприза" перестает быть ругательным. Хотя я предпочитаю определение "коммерческий спектакль". Да, мне приносят много пьес, и я действительно часто отказываюсь участвовать в проектах. Я не кокетничаю. Просто мне претит такая цель: давайте-ка соберемся и подзаработаем. Эта история не для меня. Не потому, что я не нуждаюсь в деньгах, но я не все продаю. Я стараюсь выбирать, может быть, не слишком денежные с точки зрения оплаты актерского труда проекты. Но зато там есть настоящий театр: прекрасные постановщики, хорошие художники, актеры. Я имею в виду и "Банан" Романа Козака, и "Коллекцию Пинтера" в постановке Владимира Мирзоева, и недавнюю премьеру Андрея Максимова. Это не халтурка. У меня ведь все-таки существует определенная планка качества. Я привыкла к профессиональному театру.

– Как вы считаете, какая система театральной организации наиболее перспективна?

– Я думаю, будущее не за антрепризой и не за стационарным театром, но за "свободными площадками". Мы сейчас как бы переживаем переходный период от театрального монархизма к театральному демократизму. В результате, конечно, должно остаться два-три "музейных" театра, по типу Комеди Франсез. Наверное, этот статус закрепится за Большим и Малым театрами, МХАТом. Но основу, как мне кажется, должны составить именно "свободные площадки", где достаточно компетентные продюсеры станут заключать длительные контракты с режиссерами и актерами. И спектакль проживет столько, сколько на него будет ходить зритель.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА

3/16